

Весна 1944 года была победоносной для Советского Союза. В апреле Генеральный штаб начал разработку летней кампании, и 25 мая Верховный главнокомандующий Иосиф Сталин утвердил окончательный план первой наступательной операции. Ее замысел был прост и в то же время грандиозен: двумя мощными сходящимися ударами по флангам немецкой группы армий «Центр» окружить и разгромить ее. Это должно было стать началом освобождения Белоруссии, открывающим путь в Восточную Европу.

The spring of 1944 was a victorious one for the Soviet Union. In April the General Staff began planning the summer campaign and on 25 May Joseph Stalin approved the plan for the first offensive operation. The concept behind it was simple, yet at the same time impressively grand: two powerful pincer attacks on the flanks of the German Army Group Centre to encircle and destroy it. It was intended to be the start of the liberation of Belorussia that would open up the way into Eastern Europe.

потомок славный Багратидов

Вверху. Портрет генерала П. Багратиона работы Василия Тропинина. 1815 год.

Слева. 1944 год. Освобождение Белоруссии началось по плану дерзкой наступательной операции «Багратион», предложенной К. Рокоссовским.

Above. A portrait of Bagration by the famous artist Vasily Tropinin. 1815.

Left. 1944. The liberation of Belorussia began in accordance with the bold plan of attack codenamed "Bagration" that was devised by Konstantin Rokossovsky.

Идею удара по врагу крупными силами, включая танковые дивизии, через огромные болота, которые немцы считали непроходимыми, предложил командующий 1-м Белорусским фронтом Константин Рокоссовский. Сталин высоко ценил его полководческий талант и называл его «мой Багратион». Однако на сей раз настойчивые возражения многих членов Ставки против предложения Рокоссовского смутили Верховного. Во время дискуссии он в свойственной ему манере дважды просил Константина Константиновича выйти в приемную и еще раз подумать, но тот стоял на своем твердо.

«Что ж, — Сталин хитро прищурился, — это будет очень смелая операция. И она может закончиться только нашей победой. Поэтому и назвать ее надо так, чтобы в ее успехе не было ни малейшего сомнения. Что вы скажете о славном имени — Багратион? Он никогда не знал поражений».

«В БОЮ НЕ ЗНАЛ ТЫ ПОРАЖЕНИЯ...»

Порывы ветра едва не сбивали с ног, картечью швыряли капли дождя в лица солдат. Подошвы изношенных сапог скользили в глинистой жиже. Сорок пять верст предстояло пройти усталым и голодным воинам, чтобы стать щитом для всей отступающей русской армии, спасти ее ценой своих жизней. Сорокалетний генерал-майор подбадривал солдат, напоминая

The idea was put forward by Konstantin Rokossovsky, the commander of the 1st Belorussian Front. Stalin rated Rokossovsky's talents as a general highly and called him "my Bagration." On this occasion, however, persistent objections to his proposal from many members of the General Staff caused Stalin to waver. During the discussion he used one of his typical ploys and twice asked Konstantin Konstantinovich to leave the room and think things over again, but the commander stuck to his guns.

"Well," said Stalin, screwing up his eyes cunningly, "it will be a very bold operation. And it can only end in victory for our side. So we must give it a name that allows not the slightest room for doubt in its success. What do you say to the glorious name Bagration? He never knew defeat."

«IN BATTLE YOU DID NOT KNOW DEFEAT...»

The gusts of wind almost swept them off their feet and hurled raindrops like grapeshot into the soldiers' faces. The tired, hungry warriors had thirty miles to cover in order to act as a shield for the entire Russian army as it withdrew, so as to save it at the cost

The Glorious Descendant of the Bagratids

Владимир ВАЛЕНТИНОВ/
by Vladimir VALENTINOV

переход через Альпы. Там, на перевале Сен-Готард и у Чертова моста, им довелось узнать, почему фунт лиха. А это что? Прогулка по лесу! Но изредка и его лицо мрачнело, когда на ум приходило напутствие главнокомандующего.

— Тебе, Петр Иванович, — сказал Кутузов, по своему обыкновению прикрыв единственный зрячий глаз, — до рассвета у Голлабруна быть надлежит. Выиграть надо самое малое сутки, чтобы дать всей армии оторваться от преследования.

— Постою. Не выдам. — Багратион был, как всегда, краток.

— Погоди... — Кутузов приподнялся в кресле и ткнул коротким пальцем в карту на столе: — Отсюда движется их авангард под командованием известного тебе маршала Мюрата. Тридцать тысяч штыков и сабель. А в твоём корпусе, князь, и полных шести тысяч не наберется. Вот и прикинь, что тебе предстоит. Но пойми: иначе — никак!

Ни один мускул не дрогнул на бесстрастном смуглом лице потомка славной грузинской династии Багратидов.

— Понял. Можно отправляться? — спросил князь.

— Христос с тобою. Ступай.

Возле Голлабруна местность для обороны была неподходящей, и Багратион вывел свои полки к деревне Шенграбен. Едва он успел их расставить, как показались кавалерийские дозоры неприятеля.

of their own lives. The forty-year-old major general encouraged his men, reminding them of the crossing of the Alps. "There, on the Saint Gotthard Pass and at the Devil's Bridge, they found out what soldiering was about. This here is just a stroll through the forest!" But every now and again a look of gloom would flit across his face too, as he thought of his commander-in-chief's parting words.

"Piotr Ivanovich," Kutuzov had said, covering his one good eye, as was his habit, "you are to be by Hollabrunn before dawn. You need to win at least 24 hours, so as to let the whole army evade pursuit.

"I'll hold. I'll not let you down." Bagration was as terse as ever.

"Wait," Kutuzov rose from his chair and stabbed his finger at the map on the table. "Their advance guard is coming from here under the command of someone you know, Marshal Murat. Thirty thousand men, infantry and cavalry. And your corps, Prince, won't even make a full six thousand. So you can work out the task facing you! But you must understand, there's no other way!"

Not a muscle stirred in the dispassionate

«Переход Суворова через Чертов мост». Художник Роберт Портер. Конец XVIII века.

Чертов мост имел дурную славу у окрестных жителей. Только смельчаки-охотники решались проходить по нему. «Где прошел охотник, пройдет и русский солдат», — сказал Багратион. И они прошли, на удивление всей Европе.

Suvorov's Crossing of the Devil's Bridge. Artist: Sir Robert Kerr Porter. End of the 18th century. The Devil's Bridge had a bad reputation with the local populace. Only daring hunters ventured to cross it. "Where a hunter has been, a Russian soldier will go," said Bagration. And they did cross, to the amazement of the whole of Europe.

Портрет фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова работы Джорджа Доу. 1829 год. Кутузов службу в армии начал с должности командира роты.

A portrait of Field Marshal Mikhail Golenishchev-Kutuzov by George Dawe. 1829. He began his army career as a company commander.

Будучи постоянно стеснен в средствах сам, Багратион часто отдавал свое жалованье на нужды своих солдат.

«Я с ними ничего не жалею, — писал он военному министру А. Аракчееву. — Последнюю копейку моих верных пою, кормлю, даю им за отличия».

While always short of funds himself, Bagration often gave up his salary to meet the needs of his soldiers.

"I begrudge them nothing," he wrote to Arakcheyev, the Minister of War. "I spend my last kopeck on drink and food for my trusty men. I give it to them for merit."

Княжна Анна Александровна Грузинская (впоследствии — Голицына) своей красотой могла затмить многих придворных дам. Портрет работы Мари Луизы Элизабет Виге-Лебрен. 1796 год.

Princess Anna of Georgia (later Anna Golitsyna) put many ladies of the court in the shade with her beauty. Portrait by Elisabeth Vigée-Lebrun. 1796.

Светлейший князь Григорий Потемкин — «крестный отец» будущего генерала Багратиона. Резцовая гравюра Ивана Пожалостина. 1875 год.

The Most Serene Prince Grigory Potemkin acted as "godfather" to the future General Bagration. Burin engraving by Ivan Pozhalostin. 1875.

Солдаты называли его «Орел». В этом имени было все – благородная кровь грузинских царей и Кавказские горы его детства, абрис профиля, неустрашимый характер и способность наносить молниеносные удары по врагу.

The soldiers called him "the Eagle." That name reflected everything – the noble blood of Georgian kings and the Caucasus mountains of his childhood, the line of his profile, his indomitable character and his ability to make lightning-fast strikes against an enemy.

Предком Петра Багратиона был царь Вахтанг VI, выдающийся государственный и общественный деятель Грузии. В 1723 году, после нескольких лет борьбы с Ираном и Турцией, Вахтанг VI вместе со свитой в 1300 человек покинул Грузию и переселился в Россию. Портрет XVIII века.

Among Piotr Bagration's forebears was King Vakhtang VI, an outstanding statesman and public figure in Georgia. In 1723, after years of struggle against Iran and Turkey, Vakhtang VI and his retinue of 1,300 people left Georgia and moved to Russia. Eighteenth-century portrait.

Однако судьба, столь жестокая в этом походе по отношению к русским, преподнесла им подарок. Решив, что столкнулся со всей русской армией, Мюрат выслал парламентеров с предложением перемирия, надеясь выиграть время до подхода других корпусов Бонапарта. Но на этот раз гасконец перехитрил сам себя.

Спустя сутки к нему прибыл генерал-адъютант разъяренного Наполеона с приказом немедленно разорвать перемирие: «Вы дали заманить себя в ловушку. Пред вами арьергард принца Багратиона. И пусть он лучший из русских генералов, но он не Бог свершить невероятное – остановить мою великую армию. Приказываю: немедленно окружить и отрезать его от основных русских сил».

На следующий день, 16 ноября 1805 года, громада французского войска обрушилась на позиции Багратиона со всех сторон, и он понял, что его отряд долго не продержится. Спасительная мысль пришла неожиданно. «Зажечь деревню брандскугелями! – скомандовал князь артиллеристам. – Там у французов резервы и запасы пороха». Вскоре запылали дома, а потом оглушительно загрохотали взрывы. Из Шенграбена побежали люди в синих мундирах. Атака французов в центре ослабела, но на флангах сражение становилось все ожесточеннее. Неприятель спешил замкнуть кольцо.

В сумерках Багратион отдал приказ прорываться к своим. Встречать героев выехал сам Кутузов. Он обнял князя со словами: «О потерях не спрашиваю. Ты жив – этого довольно». Багратион привел назад не только больше половины своих людей, но и пленных – одного полковника, двух офицеров и пятьдесят рядовых. Среди трофеев было и знамя французского полка.

Главнокомандующий отправил донесение императору Александру I: «Хотя я и видел неминуемую гибель, которой подвергался корпус Багратиона, не менее того я должен был считать себя счастливым спасти пожертвованием одного армию».

Мальчик из Кизляра

Князь Григорий Потемкин устраивал в своей усадьбе великосветский прием. Бывшая среди приглашенных княжна Анна Александровна Грузинская подала светлейшему письмо от вице-канцлера А. М. Голицына.

– Это просьба о... вашем племяннике? – Бегло взглянув на письмо, Потемкин залюбовался прелестным лицом девятнадцатилетней девушки. – И сколько ему? Год, два?

– Нет, ваша светлость, ему исполнится семнадцать. Он уже жаждет встать в строй.

– Ох, княжна, – вздохнул светлейший, – где ж вы были раньше? К сему моменту он мог уже стать капитаном, а то и полковником.

Через перевал Сен-Готтард пришлось карабкаться «Орлу» со своим отрядом, чтобы, спустившись, ударить противнику в тыл. «Переход войск Суворова через Сен-Готтард». Художник Александр Коцебу. 1850-е годы.

The Eagle had to clamber over the St Gotthard Pass with his detachment in order to attack the enemy in the rear. Suvorov's Troops Crossing the St Gotthard. Artist: Alexander Kotzebue. 1850s.

Знаменитый предок Багратионов — царь Давид IV Строитель, освободивший страну от гнета турков-сельджуков, в 1121 году разбил объединенные силы всех мусульманских государств, в восемь раз превосходившие по численности его войско. В процветании Церкви царь видел залог незыблемости и единства государства. Деталь фрески храма в Гелати.

The Bagratons' famous ancestor King David IV, the Builder, who liberated Georgia from the oppression of the Seljuk Turks. In 1121 he smashed the united forces of all Muslim states who outnumbered his own men eight times over. This king regarded a flourishing Church as the guarantee of the stability and unity of the state. Detail of a fresco in the Gelati Monastery.

swarthy face of the man descended from the celebrated Georgian Bagratid dynasty.

"I understand. May I go?" the Prince asked. "The Lord be with you. Dismissed."

The terrain around Hollabrunn was unsuitable for defence and Bagration took his regiments on the village of Schöngraben. He had barely managed to place his men when the first enemy cavalry patrols appeared.

But fate that had been so cruel to the Russians during that campaign made them a gift on this occasion. Deciding that he had encountered the entire Russian army, Murat sent negotiators to propose a truce in the hopes of gaining time before the arrival of Bonaparte's other corps. But this time the Gascon had outwitted himself.

Twenty-four hours later a staff officer brought orders from an infuriated Napoleon to immediately end the truce: "You have allowed yourself to be lured into a trap. Before you is Prince Bagration's rear guard. And although he is one of the finest Russian generals, he is not God Almighty to perform the inconceivable and halt my great army. I command you to immediately encircle him

and cut him off from the main Russian forces."

The next day, 16 November 1805, the vast bulk of the French force poured down upon Bagration's positions from all sides and he knew that his detachment could not hold out long. A saving idea came to him unexpectedly. "Set the village on fire with incendiary bombs," the Prince ordered his artillery. "The French have their reserves and stocks of powder there." Soon the houses were ablaze, and then the deafening reports of explosions followed. Men in blue uniforms fled from Schöngraben. The French attack on the centre was weakened, but on the flanks the fighting was growing ever more bitter as the enemy hastened to close the circle.

At dusk Bagration gave his men orders to break through to their own army. Kutuzov himself rode out to meet the heroes. He embraced the Prince with the words, "I do not ask about your losses. You are alive – that is enough." Bagration had in fact brought back not only over half his own men, but also some prisoners – a colonel, two officers and fifty privates. The trophies included a French regimental banner.

— Мой племянник, — гордо сказала княжна, — не нуждается в степенях, которые даются не по заслугам. Наш с Петром предок, грузинский царь Вахтанг, боролся против турок и осенил своей доблестью весь наш род. Мечта Петра — стать таким же прославленным воином, как его прадед.

— Вот и отлично! — Потемкин вдруг позвал одного из адъютантов: — Возьми карету. Немедленно доставишь ко мне молодого князя Багратиона.

— Но, ваша светлость! — Анна вздрогнула. — Это так внезапно! Ведь и платье парадное ему не готово.

Светлейший только усмехнулся:

— Солдат, милая княжна, должен быть готов к любым неожиданностям. Вот и посмотрим, как ваш племянник с сим делом справится!

Молодого князя адъютант Потемкина застал врасплох. Прибыл он с далекого Кавказа, из Кизляра, в грубошерстной поношенной черкеске, а выходная пара, заказанная у портного, еще не была готова. Спас лакей, предложивший только что справленный свой камзол и панталоны. В таком одеянии и предстал юноша перед светлейшим.

Был он шупл, но мускулист, из-под густых бровей темные глаза глядели насто-роженно. Однако его манера говорить отличалась искренностью и непосредствен-

ностью. Потемкину он понравился. В дом своей тетки Петр вернулся сержантом Кавказского мушкетерского полка.

НЕЛЕГКИЙ ПУТЬ К ПРЕДГОРЬЯМ СЛАВЫ

Боевое крещение будущий полководец принял в стычках с чеченскими горцами, промышлявшими грабежом и торговлей пленниками. В этой войне европейская военная наука была бессильна: хитрость и меткий глаз значили здесь гораздо больше, нежели артиллерия и численное превосходство.

Десять лет было отдано службе на Кавказе, только в 1788 году мушкетерский полк, где служил князь Петр, был направлен для штурма Очакова. Одним из первых в турецкую крепость ворвался Багратион и за этот подвиг был произведен Григорием Потемкиным из подпоручика в капитаны.

«Золотым веком» в истории Грузии считается правление легендарной царицы Тамары (Тамар; 1184—1213). Она способствовала широкому распространению веры Христовой по всей стране, строительству храмов и монастырей.

«Охота царицы Тамары». Художник Аполлон Кутателадзе. 1970 год.

The Golden Age in Georgian history is considered to be the reign of the legendary Queen Tamara (1184-1213).

She encouraged the widespread adoption of Christianity across the country and the construction of churches and monasteries.

Queen Tamara Hunting. Artist: Apollon Kutateladze. 1970.

THE BOY FROM KIZLIAR

Prince Grigory Potemkin was holding a party for the social elite on his urban estate. Princess Anna of Georgia, who was among the invited guests, gave her Most Serene host a letter from Vice-Chancellor Alexander Golitsyn.

“It’s a request regarding your nephew?” Potemkin inquired, admiring the 19-year-old girl’s enchanting face. “How old can he be? A year, two?”

“No, Your Highness. He is going to be seventeen.”

“Oh, Princess,” the Serenissimus sighed, “where were you earlier? By this time he could already have become a captain, a colonel even.”

“My nephew,” the Princess proudly replied, “has no need for ranks that are awarded without desert. Piotr’s ancestor and mine, the Georgian King Vakhtang, fought against the Turks and enveloped all our family with his valour. It is Piotr’s dream to become as celebrated a warrior as his great forebear.”

“That’s excellent!” Potemkin suddenly summoned one of his adjutants. “Take a

«Генеалогия Багратидов», составленная Вахтангом VI. Первые упоминания о роде Багратидов относятся к V веку. В 975 году царь Баграт объединил всю Грузию. Царь Георгий V Блестательный в 1334 году изгнал из Грузии монгольские полчища и вернул Грузии отобранные у нее грузинские монастыри на Святой Земле. Династию продолжили цари Горгий VII, Баграт V, Луарсаб, Симон, Ираклий II...

The Genealogy of the Bagratids compiled by Vakhtang VI. The first mentions of the family date back to the fifth century. In 975 King Bagrat united the whole of Georgia. King Georgi V, nicknamed “the Brilliant,” drove the Mongol hordes from Georgia in 1334 and recovered the Georgian Monasteries in the Holy Land that had been taken from his people. The dynasty continued with such notable kings as Georgi VII, Luarsabi (the Great), Luarsabi, Simon and Erekle II.

Портрет Александра Суворова. XIX век.
Решение о том, как действовать, генералиссимус Суворов принимал мгновенно, едва ему становилась ясна расстановка сил противника. И оно оказывалось единственно правильным.

A portrait of Alexander Suvorov. 19th century. The Generalissimo would take his decision about how to act almost instantly, just as soon as the disposition of the enemy forces became clear. And his decision would prove the only correct one.

Суворов напишет в своем донесении о Багратионе: «...дознанная его храбрость была во многих всех делах похвальным примером».
«Багратион во главе казаков атакует французов во время Швейцарского похода». XIX век.

In dispatches Suvorov wrote of Bagration, "his proven courage was a commendable example in all the many matters."
Bagration at the Head of the Cossacks Attacking the French during the Swiss Campaign. 19th century.

carriage and bring young Prince Bagration to me at once."

"But, Your Highness," Anna exclaimed with a start. "This is so sudden! His dress clothes are not ready yet."

The Most Serene Prince chuckled.

"A soldier, my dear Princess, should be prepared for any turn of events. Let us see how your nephew deals with this situation!"

Potemkin's adjutant took the young Prince by surprise. He had arrived from the distant Caucasus, from Kizliar in Daghestan, wearing a well-worn coarse Circassian coat, while the smart new outfit ordered from the tailor was not yet finished. A footman saved the day, offering the use of his own freshly acquired

«Переход Суворова через Альпы». С картины Василия Сурикова. 1899 год.

«Ни разу ни одни войска
Еще не шли
по этим тропам.
На них взирает
вся Европа,
Во всех углах
материка...»

К.Симонов.
Suvorov Crossing the Alps,
After the painting by Vasily
Surikov. 1899.

«Переход войск Суворова через Сен-Готтард». С картины художника Александра Коцебу. 1850-е годы.

Suvorov's Troops Crossing the St Gotthard.
After the painting by
Alexander Kotzebue.
1850s.

83

«Глазомер, быстрота, натиск» – эти заповеди великого полководца Багратион не забывал до конца дней своих.

«Assessment, speed, push» – Bagration remembered the great commander's precepts to the end of his days.

В 1794 году Багратиона перевели в Софийский карабинерный полк, и под началом непревзойденного Суворова он стал героем польской кампании. При штурме укрепленного предместья Варшавы Багратион командовал резервным отрядом. Проявив несвойственную для молодого воина выдержку, он выждал, когда конница противника покинет крепость, и отрезал ей все пути к отступлению.

«Молодец, князь Петр, – похвалил его Суворов перед строем. – Знал, что ты отважен и храбр. Не ведал другого: что терпелив, холоден как лед в опасности».

К павловской муштре князь Багратион отнесся достойно, как и подобает солдату: «От службы не бегай, но и на службу не напрашивайся». Исполнительный и аккуратный офицер, посвящавший все время службе, вскоре был назначен шефом Шестого егерского полка. Спустя полгода генерал-лейтенант А. Аракчеев, инспектировавший полк, отметил его «превосходное состояние». В феврале 1799 года монаршей милостью Багратиону было присвоено звание генерал-майора, а через два месяца он со своим полком становится участником Итальянского, а затем и Швейцарского походов Суворова.

Первый ученик гениального полководца

Именно Суворов, несмотря на антипатию к нему Павла I, возглавил русско-

camisole and breeches. That was the get-up in which the young man presented himself to Potemkin.

He was lightly-built but muscular. His dark eyes looked guardedly out from beneath bushy brows, but his manner of speaking suggested sincerity and directness. Potemkin took a liking to him. Piotr returned to his aunt's house a sergeant in the Caucasian Musketeers.

A HARD ROAD TO THE FOOTHILLS OF FAME

The future general got his baptism of fire in clashes with Chechen highlanders engaged in robbery and trading prisoners. In this conflict European military science was helpless: cunning and a keen eye meant far more here than artillery and numerical superiority.

Ten years went by in service in the Caucasus. Only in 1788 was the musketeer regiment in which Prince Piotr served sent to take part in the storm of Ochakov. Bagration was among the first to break into the Turkish fortress and for that act of heroism Potemkin promoted him from sub-lieutenant to captain.

австрийские войска в будущей кампании: Россия, Австрия и Англия объединились, чтобы противостоять французской экспансии в Европе. С прибытием фельдмаршала на театр военных действий война в захваченной французами Италии приобрела характер боксерского поединка. Молниеносными ударами армия Суворова разметала передовые отряды неприятеля и открыла дорогу к Милану, столице Ломбардии.

Победоносное шествие по Италии началось со штыкового штурма крепости Брешиа, которым командовал князь Петр Багратион. За эту операцию князь Багратион был награжден орденом Святой Анны первого класса. Взятие крепости Нови, сражение у селения Маренго и на реке Треббии довершили разгром французских войск в Северной Италии. Имя Багратиона, командовавшего авангардом суворовского войска, было у всех на устах.

Ошеломляющий успех итальянской кампании вызвал переполох среди австрийского генералитета. От «опасных» русских необходимо было избавиться любой ценой. Армию Суворова направили в Швейцарию под предлогом необходимости соединения с корпусом генерала А. М. Римского-Корсакова. «Изменами и двуличием» назвал Суворов действия союзников. Их усилиями в сентябре 1799 года русские войска остались без проводников, без выючных животных, без фуража и

In 1794 Bagration was transferred to the Sophia Carbineer Regiment and under the leadership of the matchless Suvorov, he became a hero of the Polish campaign.

"Well done, Prince Piotr," Suvorov praised him in front of the assembled ranks. "I knew you were brave and valiant. What I did not know is that you are patient and icy-cool under danger."

Prince Bagration took a dignified attitude, as befits a soldier, to the drill-ground regimen of Paul I's time: "Do not run from service, but do not offer yourself for service." This efficient and careful officer, who devoted all his time to the service, was soon appointed commander of the 6th Chasseur Regiment. In February 1799 the Tsar was pleased to award Bagration the rank of major general and two months later he and his regiment took part in Suvorov's Italian (and later Swiss) campaign.

THE BRILLIANT COMMANDER'S FINEST PUPIL

Russia, Austria and Britain united to resist French expansion in Europe, and Suvorov took command of the Austro-Russian forces. With the Field Marshal's arrival in theatre of war, the conflict in French-occupied Italy

продовольствия. Однако Швейцарский поход, который должен был закончиться гибелью русской армии, вошел в анналы военной истории как непревзойденный подвиг. И в первых рядах чудо-богатырей находился Багратион, для которого война в горах была отнюдь не в диковинку. Его бойцы первыми преодолевали все преграды, первыми принимали на себя удары противника, а при отступлении сдерживали натиск французских войск. Сам Багратион в швейцарских Альпах получил третье ранение за эту кампанию, но остался в строю.

МИРНОЕ ВРЕМЯ — СЕРДЕЧНЫЕ РАНЫ

Возвращение из Европы для Багратиона было омрачено не только смертью любимого учителя и командира, но и неожиданным «благоволением» императора. В июле 1800 года «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили о том, что «генерал-майор Багратион определен шефом лейб-гвардии егерского батальона». Это означало, что отныне ему придется находиться под неусыпным оком Павла I. А око это, по воспоминаниям современников, могло быть опаснее, чем огонь неприятельских батарей. Особенно для человека, непривычного к дворцовым интригам. Судьба всегда наносит удары с той стороны, откуда их не ждешь...

Однажды на придворном балу к стоявшему в стороне от остальных придворных

Очаровательная и эксцентричная Екатерина Багратион имела большой успех в европейских столицах. «Мой экипаж — мое Отечество», — любила говорить эта космополитка. Портрет работы Франсуа Жерара. 1825 год.

The charming and eccentric Yekaterina Bagration was a great success in the capitals of Europe. "My carriage is my homeland," this cosmopolitan was fond of saying. A portrait by François Gérard. 1825.

Знаки внимания, которые оказывала Багратиону великая княжна Екатерина Павловна, вызывали сильное неудовольствие ее брата — Александра I. Именно это стало основной причиной назначения Петра Ивановича в Молдавскую армию в июле 1809 года.

The signs of interest that Grand Duchess Yekaterina Pavlovna showed towards Bagration evoked the strong displeasure of her brother Alexander I. This was the main reason for Piotr Ivanovich's posting to the Moldavian army in July 1809.

acquired the character of a boxing match. With lightning-swift blows Suvorov's army swept aside the enemy's most advanced units and opened the road to Milan, the capital of Lombardy.

The victorious march through Italy began with the storming of the Brescia fortress at bayonet-point with Prince Piotr Bagration in command. For that operation the Prince was awarded the Order of St Anne First Class. The capture of the Novi fortress, the battle at the village of Marengo and at the River Trebbia completed the rout of the French troops in northern Italy. The name of Bagration, who commanded the advance guard of Suvorov's force, was on everyone's lips.

The astonishing success of the Italian campaign caused alarm among the Austrian high command. They became convinced of the need to rid themselves of the "dangerous Russians" at any price. Suvorov described the allies' actions as "treacheries and duplicity." Thanks to their efforts in September 1799 the Russian forces were left without guides, without pack animals, without fodder and without provisions. But the Swiss campaign that was intended to end with the demise of the Rus-

ian army went down in the annals of military history as an unsurpassed triumph. And among the first ranks of the wondrous heroes was Bagration for whom warfare in the mountains was no novelty.

PEACETIME WOUNDS OF THE HEART

In July 1800 the press reported that "Major General Bagration has been appointed commander of the Life Guards Chasseur Battalion." That meant that henceforth he would be under the ever-watchful eye of Paul I. And that eye, as contemporaries recalled, could be more dangerous than fire from a hostile battery.

At one of the court balls Bagration, who was standing apart from the rest of the members of the court, was approached by a beauty with a marble-pale face and golden hair.

"Your Excellency, nobody has ventured to introduce you, one of our bravest generals, to me. Your name alone might cause a delicate girl like me to lose her mind... And you do not even accord me a single glance."

"Forgive me, ma'am," Bagration felt the treacherous blush of confusion rise in his cheeks, "I have not had the honour..."

Великая княжна Екатерина Павловна по странному стечению обстоятельств была полной тезкой жены героя. Среди возможных претендентов на ее руку были Наполеон и австрийский император Франц. Миниатюра работы Жана-Анри Беннера.

By a strange coincidence Grand Duchess Yekaterina Pavlovna shared both her first name and patronymic with the hero's wife. Among her potential suitors were Napoleon and Emperor Francis I of Austria. A miniature by Jean Henri Benner.

Багратиону подошла красавица с мраморно-бледным лицом и золотистыми волосами:

— Ваше сиятельство, вас, храбрейшего из наших генералов, мне никто не решился представить. Одно ваше имя может свести с ума такую хрупкую девушку, как я... А вы даже не бросили на меня ни единого взгляда.

— Простите, сударыня, — Багратион почувствовал, что предательский румянец смущения заливает его лицо, — не имею чести...

— Презрев мнение света, я сама назову себя, — бойко ответила красавица. — Я — графиня Скавронская. В Италии, где вы столь беспримерно отличились, я провела свое детство...

Ее голос походил на журчание горного ручейка, глаза лучились неземным светом, ее губы... Впрочем, достаточно. Князь Петр Багратион был сражен наповал. Однако графиня вовсе не разделяла его чувств. Она удовлетворилась тем, что прибавила к своей коллекции поклонников героя, о котором судачит весь свет, и отправилась к новым победам.

О том, что шеф егерского батальона влюблен, пошли слухи, не миновавшие и ушей императора. «Кокетничала с Багратионом, а теперь встречается с другими», — услужливо донесли Павлу. Это известие неожиданно вызвало в императоре прилив ярости. Честный и прямодушный,

“Disdaining the opinion of the world, I shall name myself,” the beauty responded glibly. “I am Countess Skavronskaya. Italy, where you distinguished yourself in so unprecedented a way, is where I spent my childhood...”

Her voice was like the bubbling of a mountain stream; her eyes radiated an unearthly light; her lips... But, enough. Prince Piotr Bagration was comprehensively defeated. The Countess, though, did not share his feelings at all. Her satisfaction came from having added the hero that the whole world was talking about to her collection of admirers and she set off in pursuit of new conquests.

The rumours that the commander of the chasseur battalion had fallen in love did not escape the ears of the Emperor. “She flirted with Bagration and is now seeing other men,” Paul was helpfully informed. This news unexpectedly induced one of the Tsar’s bouts of rage. “They are to be married tomorrow and no later!” Paul announced to Count Kutaisov, the master of the imperial household. “Skavronskaya is to appear in a wedding dress; Bagration to remain in my presence after the changing of the guard.”

Багратион был одним из тех немногих офицеров, кто ни разу не вызвал даже малейшего недовольства у придирчивого государя. А государь за своими решениями в карман не лез. «Завтра же под венец! — заявил Павел главному распорядителю своего двора графу Кутайсову. — Скавронской явиться в подвенечном платье. Багратиону после вахт-парада остаться при мне!»

Графиня не решилась ослушаться монарха — ей это могло грозить ссылкой, а то и пострижением в монахини. Флирт, который она считала вполне невинным, закончился для нее трагически. Впрочем, квартиру, которую снял князь Багратион, новобрачная сразу разделила на две половины и предложила мужу «остаться друзьями». А вскоре, жалуясь на недомогание, попросила отпустить ее на лечение в Европу.

Предприимчивый и решительный военачальник, Багратион оказался чрезвычайно простодушным в семейной жизни. Ему было больше не суждено увидеть свою жену, но любовь к ней продолжала жить в его сердце. Отныне их пути разделились: мужу досталось поле брани, жене — поле любовных и политических интриг.

СОЛДАТЫ НАЗЫВАЛИ ЕГО «ОРЕЛ»

Даже неудачи русской армии не могли запятнать имени этого человека. «Мы проиграем», — заявил Багратион, едва

The Countess did not dare to defy the monarch — he might have sent her into internal exile, or even had her forcibly become a nun. But the new bride immediately suggested to her husband that they “remain friends”. Soon, complaining of indisposition, she asked to be allowed to travel to Europe for treatment. From that moment their paths divided: the husband got the field of battle, the wife the field of amorous and political intrigues.

THE SOLDIERS CALLED HIM “THE EAGLE”

Even the failures of the Russian army could not besmirch the name of this hero. “We shall lose,” Bagration pronounced after barely a glance at the plan of operations devised for Austerlitz by the Austrian General von Weyrother.

While grasping what the outcome of the encounter would be, Bagration nevertheless “stood up to the powerful onslaught of the enemy and brought his corps from the battle at Austerlitz in good order, covering the army’s retreat the following night,” Mikhail Kutuzov wrote in a report to the new tsar, Alexander I.

Ниже. «Битва при Аустерлице». Художник Иоганн Лоренц Ругендас. Около 1820 года.

Below. The Battle of Austerlitz, December 2, 1805. Artist: Johann Lorenz Rugendas. Circa 1820.

Яков Кульнев командовал авангардом корпуса Багратиона во время Шведского похода 1808—1809 годов. Его, выходя из бедной дворянской семьи, называли «беднейшим в мире генералом». Портрет работы Джорджа Доу. 1820-е годы. Yakov Kulnev commanded Bagration’s advance guard during the Swedish campaign (1808-1809). This scion of an impoverished noble family was called “the world’s poorest general.” A portrait by George Dawe. 1820s.

Денис Давыдов, как и его командир — Багратион, был сыном офицера и с детства мечтал о военной карьере. Портрет работы Джорджа Доу. 1820-е годы. Denis Davydov, like his commander, Bagration, was an officer’s son and dreamt of a military career from an early age. A portrait by George Dawe. 1820s.

Легендарный «ледовый» поход 17-тысячного корпуса Багратиона через Ботнический залив решил исход войны со Швецией и вошел в анналы военной истории. С картины Александра Коцебу. Вторая половина XIX века.

The celebrated “ice” march of Bagration’s seventeen-thousand-strong corps across the frozen Gulf of Bothnia decided the outcome of the war against Sweden and went down in the annals of military history. After a painting by Alexander Kotzebue. Second half of the 19th century.

взглянув на диспозицию Аустерлицкого сражения, разработанную австрийским генералом Вейротером.

Отдавая себе отчет в исходе битвы, Багратион тем не менее «удерживал сильное стремление неприятеля и вывел корпус свой с сражения в Остерлице в порядке, закрывая в следующую ночь ретираду армии», — писал Михаил Кутузов в рапорте Александру I, который покинул поле боя, чтобы не видеть последствий своего опрометчивого вмешательства в командование армией.

Карьера Багратиона для того времени была беспрецедентной. В отличие от большинства дворян он, потомок грузинских царей, не получил даже домашнего образования, не имел влиятельных покровителей и денеж, столь необходимых для жизни в столице. Будучи комендантом летней императорской резиденции в Павловске, он был обязан появляться при дворе и вести светскую жизнь с ее докучливыми обязанностями. Отнюдь не красавец, он

Слева. Сражение при Смоленске. Здесь Багратион предлагал преградить путь врагу. Художник Петер Гесс.

Справа. «Властитель слабый и лукавый» — Александр I. Именно он принял решение дать бой при Аустерлице. Гравюра резцом.

Left. The Battle of Smolensk. Artist: Peter Hess.

Right. The “weak and cunning ruler” Alexander I. Burin engraving.

производил сильное впечатление на окружающих славою своих подвигов. Сестра императора, великая княжна Екатерина Павловна, начала проявлять к нему «повышенное внимание». В походах он часто получал от нее письма, и это не могло не насторожить Александра I, который поспешил выдать сестру замуж за принца Ольденбургского.

Гостей Багратион принимал с роскошью, ибо не мог иначе. В мемуарах Дениса Давыдова подмечено, что «всего у него было вдвое, но для других. Сам он довольствовался весьма малым и был чрезвычайно трезв. Я не видел, чтобы он когда-либо пил водку или вино, кроме двух рюмок мадеры за обедом».

Деревни, дарованные князю за военные заслуги, пришлось продать, а жалованье подчас уходило на нужды солдат. Долги росли, и спасением от них были только военные походы. Историки считают, что во всех многочисленных сражениях как полководец Багратион не совершил ни одной стратегической ошибки. Перед войной 1812 года он по числу наград и чину был первым среди российских генералов, за исключением разве что Кутузова и Барклая-де-Толли. Но, как известно, заслуг перед Отечеством никогда не бывает довольно для достойной оценки современниками. Решающими стали «мнения» — государя, придворных, других генералов...

Bagration's career was unprecedented for the time. In contrast to the majority of nobles at the time, this descendant of Georgian kings had not received a private education, nor did he have the influential patrons and money so necessary for life in the capital. Far from handsome, he produced a powerful impression on those around him through the renown of his deeds. The Emperor's sister, Grand Duchess Yekaterina Pavlovna, began paying him "heightened attention." That inevitably put Alexander on his guard and he hastily married his sister off to a prince of Oldenburg.

Historians reckon that in all the numerous battles that he fought as a commander, Bagration never made a single strategic mistake. Before the war of 1812 he was the foremost Russian general in terms of number of decorations and rank, save only perhaps Kutuzov and Barclay de Tolly. But, as we know, one's services to one's country are never enough for a proper assessment by contemporaries. The decisive factor was "opinions" — those of the Tsar, the courtiers, other generals...

In the "Patriotic War" of 1812 Bagration was entrusted with the command of one of

В Отечественной войне Багратиону поручили командовать одной из четырех армий, и с этой трудной задачей он опять справился блестяще. В решающей битве при Бородине Кутузов без колебаний отдал под его начало самый опасный фланг — левый.

НЕДАРОМ ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ...

Ранним утром над Бородинским полем клубился густой, как сметана, туман. Светило, вставшее из-за горизонта, пронзало его стрелами своих лучей. Шебетали птицы, изредка доносился плеск рыбы в речке Колоче. И вдруг наступило мертвое, угрожающее затишье, которое всегда предшествует яростным бурям.

Внезапно тишину разорвал одинокий пушечный выстрел. Грохот пронесся по полю и растаял вдали. Спустя несколько мгновений заговорили ружья. Их трескотня заполонила пространство, а потом началась артиллерийская канонада.

Стоя на эскарпе средней флеша, Багратион смотрел, как волна за волной приближаются линейные французские полки маршала Даву. И грянул бой! Флеша несколько раз переходили из рук в руки, дождем сыпалась картечь, на перепаханной ядрами земле громоздились горы трупов. Ряды наступающих французов становились все гуще: для очередной атаки свои силы объединили уже три маршала — Ней, Жюно и Мюрат.

the four armies and again he coped brilliantly with his far from easy task. At the decisive Battle of Borodino Kutuzov unhesitatingly gave him charge of the most dangerous, left flank.

NOT WITHOUT REASON DOES ALL RUSSIA REMEMBER

In the early morning the field at Borodino was wreathed in fog as thick as soup. The sun rising above the horizon pierced it with its arrow-like rays. The birds twittered; you could hear the occasional splash of a fish in the little River Kolocha. Then in an instant that deadly, ominous silence fell that always precedes furious storms.

Suddenly the hush was broken by a single cannon shot. The boom sped across the field and faded away in the distance. A few minutes later the small arms spoke, and then the artillery cannonade began.

Standing on the escarp of the middle fleche, Bagration watched as Marshal Davout's regiments approached in wave after wave. And the fight commenced! The fleches changed hands several times. Grapeshot poured down like rain. Piles of corpses rose on the earth

Флеша на левом фланге были самым слабым местом в обороне русской армии под Бородином, и именно сюда был направлен основной удар врага.

The fleches (earth ramparts shaped like a letter V with the point towards the enemy) on the left flank were the weakest point in the Russian army's defenses at Borodino and the place where Napoleon directed his main attack.

С Иоахимом Мюратом, королем Неаполитанским и зятем Наполеона Бонапарта, судьба не раз сводила Багратиона на поле брани. Гравюра Васмана с оригинала Шарля Никола Рафаэля Лафона.

Bagration was destined to join battle with Joachim Murat, the King of Naples and brother-in-law of Napoleon Bonaparte, on several occasions. An engraving by Wahsmann from an original by Nicolas Raphael Lafond.

В Бородинском сражении батарея Николая Раевского находилась на правом фланге позиций Багратиона. Портрет работы Джорджа Доу. 1820-е годы.

At Borodino Nikolai Rayevsky's battery was located on Bagration's right flank. A portrait by George Dawe. 1820s.

На картине Петера Гесса изображен трагический момент Бородинского сражения: раненый князь Багратион, невзирая на боль, отдает последние приказы.

Peter Hess's painting depicts a tragic moment of the Battle of Borodino: the wounded Bagration, despite his pain, gives his last orders.

«Бой за Багратионовы флеша». Литография Фабер дю Фор по собственному рисунку. 1830-е годы.

The Battle for Bagration's Fleches. Lithograph by Fabert de Forat from his own drawing. 1830s.

Внезапный рейд в тыл врага кавалерии Уварова и казаков Платова внес сумятицу в расположение французских полков. «Атака Уварова под Бородином». С картины Августа Дезарно (старшего).

A sudden raid on the enemy rear by Uvarov's cavalry and Platov's Cossacks sowed confusion in the disposition of the French regiments. Uvarov's Attack at Borodino. After the painting by August Dezarno (the Elder).

Неаполитанский король, смуглый красавец с сияющими голубыми глазами и жемчужно-белыми зубами, предводительствовал кирасирами. За спиной Мюрата развевался затканый золотом плащ зеленого бархата, над шляпой колыхался огромный султан из белых перьев. Позолоченные шпоры на желтых щегольских сапогах впивались в бока рыжего арабского скакуна. Французы подступили уже к самой плечи, огненный ливень продолжал косить их, как спелые колосья, но на место павших вставали все новые и новые шеренги. Врагу удалось опять овладеть средней плечью, и теперь он повернул орудия в сторону отступающих русских.

– Выхода нет! Надобно назад брать плечи! – Багратион вдруг возник среди гренадер на гарцующей лошади, весь в пыли и пороховой гари. Огненный его взгляд, казалось, пронзал до самого дна души.

– Ур-ра! Веди, отец! Умрем!

Выставив вперед штыки, мерной поступью солдаты двинулись обратно. Вскоре подоспели и кирасиры. Багратион уже был уверен, что эта отчаянная атака все решит, что плечи теперь удастся удержать... Неожиданный резкий удар едва не вышиб его из седла, будто огнем обожгло правую ногу. Из рваной раны на бедре хлынула горячая дымящаяся кровь. Известие о его ранении быстро облетело русские позиции.

Четверть века Багратион находился в самом пекле сражений, четверть века войска под его командованием не знали поражений... И теперь один вид его, лежащего на носилках, как гром поразил воинов. Ему оставалось жить семнадцать суток. «Он чувствовал от раны жестокую боль, ужасную тоску и страдал иными мучительными припадками, но не изрек ни малейшего сетования на судьбу и страдания свои, снося их как истинный герой...» – написал сопровождавший его врач.

Скончался Багратион в селе Симы, принадлежавшем мужу его тетки Б. А. Голицыну. По высочайшему повелению тотчас все бумаги покойного были изъяты. Александр I подозревал, что среди них могли быть «компрометирующие императорскую семью» письма его сестры Екатерины. Эти опасения оказались напрасны. ■

«Смертельное ранение генерала Багратиона на Бородинском поле». С картины Алексея Вепхвадзе. 1948 год.
The Mortally Wounded General Bagration on Borodino Field. After the painting by Alexei Vepkhvadze. 1948.

ploughed up by cannonballs. When another attack came, three marshals – Ney, Junot and Murat – had now united their forces.

Murat, the King of Naples, a dark Adonis with shining light blue eyes and pearly-white teeth, led the cuirassiers. A green velvet cloak woven with gold fluttered behind his back; an enormous plume of white feathers waved above his hat. The gilded spurs on the yellow dandified boots bit into the flanks of his chestnut Arab steed. The hail of fire continued to cut down the French like ripe stalks of grain, but new ranks constantly sprang up to take the place of the fallen. The enemy again succeeded in taking the middle fleche and now he turned the guns on the withdrawing Russians.

“There’s nothing for it! We have to go back and take the fleches!” Bagration suddenly appeared amid the grenadiers on a prancing horse, covered in dust and powder residue. His fiery gaze seemed to penetrate to the very depths of the men’s souls.

“Hurrah! Lead us, father! We go to die!”

Their bayonets advanced, the soldiers went back at a measured pace. Soon the cuirassiers joined them. Bagration was already sure that this desperate attack would

decide everything, that after this they would manage to hold the fleches... But a sharp blow nearly knocked him from the saddle, as if fire had scorched his right leg. Hot blood spurted steaming from the ragged wound on his thigh. The news of his injury flew rapidly around the Russian positions.

For a quarter of a century Bagration had been in the very thick of battle; a quarter of a century men under his command had not known defeat... And now the mere sight of him lying on a stretcher left the soldiers thunderstruck. He would live another seventeen days.

Piotr Ivanovich Bagration died in the village of Simy that belonged to his aunt’s husband, Boris Golitsyn. “He felt severe pain from the wound, terrible anguish and suffered other agonizing seizures, but did not make the slightest complaint about his fate and his sufferings, bearing them like a true hero...” the doctor who attended him wrote. ■

Летом 1839 года гроб с прахом Багратиона был перевезен из села Симы на Бородинское поле и захоронен на кургане у подножия памятника героям Бородина.

In the summer of 1839, Bagration’s coffin was brought from the village of Sima to the battlefield and buried on the mound at the foot of the monument to the heroes of Borodino.